

В Сиэрфане Чжэнфана спалось куда спокойнее, чем в Даоцзофане. Чунь Сян обычно оставалась здесь до половины девятого — пока Чу Вэй читал, она была при нем, и лишь когда тот ложился в постель, уходила к себе в западный флигель.

Чу Вэй сидел под светом изящной западной лампы, погруженный в книгу. Цин Нин, предоставленный самому себе, подпирал голову рукой и беззвучно напевал под нос какую-то мелодию. Чунь Сян, явно недовольная тем, что этот новичок занял место подле хозяина раньше нее, то и дело тактично, но ощутимо задевала его плечом или нарочно громко топала, проходя мимо.

Чу Вэй проявлял к выходкам девчонки удивительное терпение. Даже когда шум начинал мешать чтению, он лишь с кроткой улыбкой качал головой, позволяя ей и дальше донимать собеседника.

Тот наконец не выдержал. Оскалившись, он прошипел:

— Еще раз так сделаешь — свяжу и рот заткну, поняла?

В ответ Чунь Сян лишь скорчила ему рожу и, подхватив небольшую курильницу, юркнула в спальню — прогреть и окуривать постель хозяина благовониями.

— Она еще совсем ребенок, — Чу Вэй отпил глоток фруктового чая и перевел взгляд с книги на Цин Нина. — Будь с ней помягче.

— Да не собираюсь я с ней ничего делать, — буркнул Цин Нин, надувшись.

Чу Вэй промолчал и снова углубился в чтение.

Внешнюю комнату от внутренней отделяла ширма, а спальню от Сиэрфана — лишь плотная занавесь. Цин Нин перевел взгляд с ширмы на ткань полога и тоскливо вздохнул. В эту лишенную интернета эпоху вечера тянулись мучительно долго.

Вскоре Чунь Сян закончила с постелью и напомнила, что пора ко сну. Чу Вэй отложил книгу и мягко улыбнулся девушке:

— Иди отдыхай. Остальное сделает Цин Нин.

Чунь Сян надулась:

— А он-то справится?

— С чего бы мне не справиться? Или тебе так не терпится самой раздеть его? — Цин Нин позволил себе откровенную подначку.

Девушка мгновенно вспыхнула, пробормотала что-то про «бесстыдника» и поспешно скрылась за дверь.

Чу Вэй посмотрел на него долго и многозначительно.

— И почему тебе так нравится ее задирать? — спросил он с непонятной интонацией.

— Да скучно просто, — отозвался тот, привычно расстегивая пуговицы на длинном халате хозяина.

Он ловко помог Чу Вэю устроиться в постели и сам завалился на свою койку. Видимо, сказалась дневная суета: едва успев подумать, что «ложиться в девять вечера — это какой-то запредельный уровень ЗОЖ», Цин Нин провалился в глубокий сон.

Вскоре в комнате установилось мерное дыхание двоих людей. У дверей сменился караул. Тот самый мужчина, с которым Цин Нин когда-то сидел за одним столом, заступил на пост. Младшие охранники уважительно именовали его третьим братом Ци.

Цин Нин проспал до самого рассвета. Когда он, одевшись, вышел из Сиэрфана, Чунь Сян уже успела помочь Чу Вэю умыться и привести себя в порядок.

Она смерила Цин Нина пренебрежительным взглядом:

— Лентяй!

Не желая спорить с девчонкой, он отправился к Даоцзофану. Хотя теперь он ночевал в главном доме, многие его вещи всё еще оставались в старой комнате — в Сиэрфане попросту не было шкафов.

— Брат Нин! — завидев его, Ши Сюй и Лю Дэжэн, более известный как Гуантоу, приветливо замахали руками и позвали завтракать.

Цин Нин лениво кивнул и поплелся следом за ними, вполуха слушая их пересуды. В Даоцзофане жили мужчины, а в западном флигеле — служанки. И хотя их разделяла стена с калиткой, это ничуть не мешало парням строить планы на местных девиц.

Закончив обсуждать какую-то ерунду, Гуантоу притормозил и заговорщицки зашептал Цин Нину:

— Эй, Нин-гэ, слышал новости?

— Нет.

— Да как так-то! — Гуантоу так и распирало от желания поделиться сплетней. — Тот Ванцай, которого ты тогда проучил... он сошелся с Сяо Цуй из западного флигеля! Вот скажи мне, Сяо Цуй ведь славная девка, как она на этого Ванцай позарилась? Одно имя чего стоит — пес псом, честное слово!

Цин Нин искоса глянул на него:

— А тебя самого Гуантоу зовут, и что?

— Это кто меня так зовет? — возмутился Лю Дэчжэн, выпятив грудь. — По паспорту я Лю Дэчжэн!

— Да какая разница, как тебя зовут! Ты давай, рассказывай, что там дальше было, — обернулся Ши Сюй. — Вечно ты на самом интересном месте прерываешься.

— Да рассказываю я, рассказываю! — Гуантоу почесал макушку. — Вчера ночью видел, как этот гад Ванцай прижал Сяо Цуй у калитки и давай миловаться! Она ему — «не надо», а этот черт, бабушка его за ногу, все равно ее сцапал и давай целовать!

— Ого! — Ши Сюй присвистнул. — А он смельчак.

Цин Нин лишь закатил глаза.

Гуантоу тем временем снова подкатил к нему с хитрой рожей:

— Нин-гэ, а тебе-то из западного флигеля кто по душе? Вон даже у страшилы Ванцай зазноба есть, а ты у нас такой видный — любую выбирай. Небось на Чунь Сян глаз положил? Она там самая складная.

Цин Нин вспомнил вечно недовольную мину девчонки и поморщился.

— Брат, — он покровительственно похлопал Гуантоу по плечу, — учись ценить внутреннюю красоту.

Гуантоу замер в недоумении. Пока он соображал, Цин Нин уже зашел в столовую.

— Нин-гэ! Ты чего сейчас сказал-то? — догнав его, спросил охранник.

— Ничего, — Цин Нин заговорщицки подмигнул, и Гуантоу, решив, что это какой-то секретный пароль, тут же прикусил язык.

Спустя несколько минут после завтрака, когда Цин Нин катал Чу Вэя в кресле по галерее, пришел человек от дяди Мэна. Сообщили, что прибыл Чжао Тяньцзюэ.

Чу Вэй едва заметно усмехнулся.

— Идем во внешний двор.

Цин Нин докатил кресло до ширмы-перегородки и помог господину войти в залу. Чжао Тяньцзюэ уже извелся от ожидания: его всегда безупречно уложенные волосы были всклокочены, словно он в нетерпении рвал их на себе.

— Тяньцзюэ, что привело тебя к нам в такой час? — Голос Чу Вэя звучал так елебно, что у Цин Нина мурашки пошли по коже.

Чжао Тяньцзюэ выдавил из себя кривую усмешку:

— Да вот, беспокоюсь о твоём здоровье. Ну и хотелось бы поскорее забрать Вэйин в свой дом. О помолвке говорим давно, а толку никакого.

— В этом виноват только я, — Чу Вэй сокрушенно вздохнул, изображая полное бессилие. — Мое никчемное тело слишком слабо, вот Вэйин и приходится тянуть на себе все дела семьи Чу, забыв о собственном счастье.

Чжао Тяньцзюэ на миг опешил от такого смирения, но быстро взял себя в руки:

— Что ж... это её долг.

Было видно, что те, кто жаждал урвать кусок от наследства Чу, прижали его к стенке. В каждом его движении сквозила отчаянная спешка, в то время как Чу Вэй оставался воплощением спокойствия — его, казалось, ничуть не заботила судьба фамильной реликвии.

— Та Теплая яшма, что должна стать свадебным подарком... — Чжао Тяньцзюэ запнулся, но,

стиснув зубы, продолжил: — Ты ведь и сам хочешь, чтобы она вернулась в семью, пока ты еще... в силах ее принять?

Чу Вэй вскинул брови, и на его лице отразилась неподдельная радость:

— Неужели ты решил отдать ее мне раньше срока?

Цин Нин едва не прыснул со смеху и поспешно прикрыл рот ладонью, изображая приступ кашля.

Чжао Тяньцзюэ буквально захлебнулся от ярости. Он долго сверлил Чу Вэя взглядом, после чего выпалил:

«Хотите Теплую яшму — пусть Чу Вэйин выходит за меня немедленно! Если через неделю не получу ответа, я выставлю вашу драгоценность на аукцион!»

Угроза была серьезной — если бы вещь ушла с молотка, она могла исчезнуть в частных коллекциях за границей. При условии, конечно, что яшма у него была настоящая.

— Эх, — Чу Вэй снова вздохнул, глядя на него с мягким, почти жалостливым видом. — Тяньцзюэ, приди уже в себя.

Чжао Тяньцзюэ вскочил со стула:

— Ты это к чему? Решил расторгнуть помолвку? Да весь Город Наньюань знает, что Чжао Тяньцзюэ женится на Чу Вэйин!

— Так ведь помолвки-то еще и не было, — кротко заметил Чу Вэй.

— Ах ты...! — Чжао Тяньцзюэ задохнулся от злости. — Ну берегись, Чу Вэй! И не надейся, что тебе это сойдет с рук!

С этими словами он в ярости вылетел из комнаты.

Цин Нин только головой покачал. Удивительно, как этот человек ухитрился претендовать на чужое имущество с такой праведной уверенностью, будто его самого жестоко предали. Чжао Тяньцзюэ явно жил в мире собственных иллюзий, где семья Чу уже принадлежала ему, а Чу Вэйин была обязана выйти за него по законам судьбы. А раз реальность подкачала — значит, виноваты другие.

Как только гость скрылся, лицо Чу Вэя на миг помрачнело, но уже через секунду на нем снова

заиграла привычная улыбка.

— Идем, — позвал он. — Вернемся в Лиюань.

Оказавшись на месте, Чу Вэй привычно расположился на мягкой кушетке. Вскоре в комнату вихрем влетела Чу Вэйин.

— Брат, этот мерзавец Чжао Тяньцзюэ был здесь?

— Был, уже ушел, — Чу Вэй сменил позу и жестом велел Цин Нину размять ему ноги.

Чу Вэйин присела рядом, с некоторым удивлением наблюдая за действиями помощника. Раньше ее брат терпеть не мог, когда кто-то касался его ног, а теперь помыкал новичком как хотел.

— Он тебя расстроил? — спросила она.

— Нет, — Чу Вэй прикрыл глаза, всем видом показывая, что разговор окончен. — Не бери в голову, я в порядке.

Чу Вэйин, занятая проверкой счетов ткацкой фабрики, не стала задерживаться и вскоре ушла.

В комнате остались только двое. Цин Нин, методично массируя голени господина, всерьез размышлял: если он действительно сломает ему ноги, поможет ли это в лечении его надломленной личности?

— Руки не устали? — В голосе Чу Вэя послышалась усмешка. — Подойди-ка сюда.

Цин Нин решил, что тот хочет сменить место массажа, но вместо этого Чу Вэй сам принялся разминать ему плечи. Правда, сил у «больного» почти не было — его движения больше походили на легкие поглаживания.

— Ну как, приятно? — Чу Вэй негромко рассмеялся. — Я ведь впервые это для кого-то делаю.

—... Ну, сойдет, — замялся Цин Нин.

В ответ Чу Вэй шутливо хлопнул его по плечу:

— А ты честный. Ладно, сходи найди Чунь Сян. Скажи ей, что я в Лиюане.

Обычно в это время Чу Вэй всегда перебирался во внутренний двор: он терпеть не мог пить лекарства в главном доме, утверждая, что горечь въедается в стены.

Чунь Сян в последнее время смотрела на Цин Нина волком. Раньше она была единственной, кто всегда сопровождал господина, а теперь ее место занял этот наглец. Пока они шли к Чу Вэю, она всячески пыталась вывести его из себя.

Однако язык Цин Нина оказался куда острее. Не успела девчонка как следует разойтись, как сама едва не расплакалась от обиды.

Когда они вошли в Лиюань, Чу Вэй увидел, как Цин Нин в очередной раз что-то язвительно бросает Чунь Сян, а та, топнув ногой, обиженно вскрикивает:

— Молодой господин!

В ее голосе прозвучало столько детской обиды и кокетства, что Цин Нин невольно замер.

«Неужели она влюблена в Чу Вэя?» — подумал Цин Нин.

«Неужели у них с Чунь Сян всё взаимно?» — промелькнуло в голове у Чу Вэя.

<http://bllate.org/book/17520/1662100>